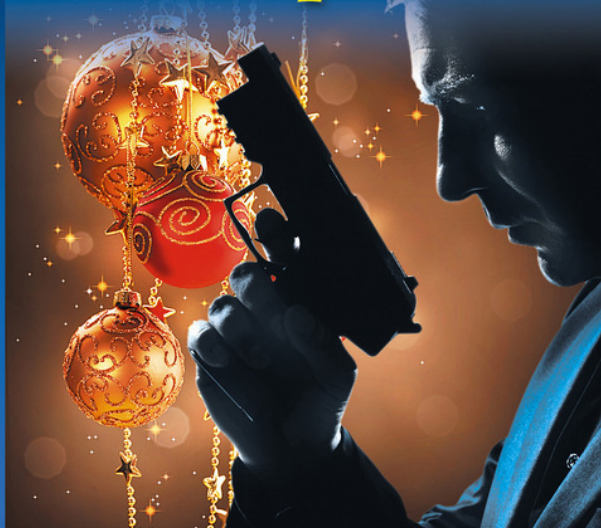

Алексей
МАКЕЕВ

**День
назначенной
смерти**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев
День назначенной смерти
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3374155
День назначенной смерти: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-56791-1

Аннотация

Не каждому в канун Нового года приходится наслаждаться праздничным настроением... Николай Кравцов, владелец юридического агентства, стал получать угрожающие письма по электронной почте, в которых была указана дата его смерти – 31 декабря. За помощью Кравцов обращается к сыщику Максимову. В день назначенной смерти сыщик пришел в квартиру Николая, где собралось множество гостей. И туда же не преминула явиться смерть. Но вот только жертвой оказался вовсе не Николай...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
30 декабря. Четверг	7
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алексей Макеев

День назначенной смерти

Пролог

Волчья стая не голодала. В тайге еды – как в приличном супермаркете. Ранним утром задрали сохатого – годовалого лосенка. Грыз осоку в низине, а мамаша ушами хлопала. Налетели, как ветер. Вожак – волчище лет пятнадцати, матерый, мускулистый – в центровые не лез: на то и молодняк, пусть резвится. Волчата и дали жару – уже подростки, поджарые, длинноногие. Завалили малыша, а лосиха ноги сделала, рванулась через чащу на болото. Кто-то из юнцов пристроился ей в хвост, да, получив копытом в ухо, отпал.

Стая была мобильной. Две самки, два самца с вожаком, трое молодых из одного помета. Охотились в обширном квадрате, но занесло их в этот вечер к человеческому жилью – в нарушение неписаных волчьих правил. Вожаку так приспичило. Свои причуды у волка, а спорить со старшим даже задиристый Щербатый остерегался.

Вожак трусил первым по темнеющему лесу, остальные сзади. И вдруг чу! – запах пищи... Он мог почуять кровь за милю, за две. Но тут ударило в ноздрю – внезапно, вкусно, будто ниоткуда. Волк встал, вздыбил загрибок. Кудлатая

волчица подошла и потерлась носом. Он отмахнулся, глухо прорычав – отстань. У бабы нюх слабее, не поймет ничего. Потрусил дальше, перешел на рысь, помчался, ощетинаясь, гонимый запахом добычи...

А через поле жилье: опасно, человек имеет свойство палять из длинных палок. Сколько раз на своем веку он видел, как гнали братьев облавой – в овраги, на болота, валя наповал. Чудом уходил...

Маленькая фигурка мелькнула среди деревьев. Взвизгнула от страха. Что такое? Человеческий детеныш?... Волк насторожился, сбавил шаг. Тянуло человеческим жильем – курятником, дымом из печи. Виднелись огоньки за полянкой, скаты крыш, амбары, плетень на околице... Он помчался наперерез, перекрыл дорогу. Ребенок шарахнулся в кустарник, но волк уловил его намерение – метнулся с упреждением. И встал. Угрожать рычанием, оскалом? Зачем? Умный зверь: понимал – лицом к лицу человек не боец, а детеныш и вовсе смешон. Достаточно впиться желтым взглядом, и он очарованный попятится в самый лес, где нет ни света, ни охотника...

Он подошел к ребенку, обдав звериным духом, посмотрел. Глаза сверлящие, глубоко посаженные, осмысленные. Заскулил малыш – тоненько, жалобно. Девочка? Волк, крадучись, сделал шаг, второй. Ребенок выставил руки вперед: поранился, ладошки в крови... И тут не выдержали остальные. От голода не пухли, но запах крови ударил в головы, за-

нервничали. Слюна полилась из пастей. Взбудоражились на весь лес, а Щербатый прыгнул поперек батьки, дернул малышку. Пронзительный возглас огласил опушку, помчался ветром через поле. Подобного нахальства вожак не стерпел. У кого тут нехватка? Ощетинился, оскалил пасть и массой налетел на недотепу, впился в горло. Покатились, визжа, по траве, собирая шишки и колючки...

А остальные смыкали круг, не оставляя ребенку шанса...

Часть первая

30 декабря. Четверг

Утро было серым и бессмысленным. Максимов в первоизданном виде лежал на кровати и смотрел в потолок. По потолку ползло что-то бледное, мохнатое, с множеством лапок и, наверное, липкое. Откуда? На дворе канун Нового года, насекомых нет. Зато в активе галлюцинации и страшные воспоминания – до того момента, пока он не наклюкался как свинья. И почему он, собственно, в первоизданном виде? А вдруг Маринка зайдет?

Он закрыл глаза. Когда открыл, существо одолело трещину, делящую потолок на две неравные трапеции, перетекло на стену и оседлало недоверченный шуруп. В зеленого человечка, весьма уместного по количеству вчерашнего выпитого, не превратилось.

Он смотрел на стену минут пять, пока не понял – произошло событие. Не хорошее, не плохое – просто событие. Он снова остался жив. Рука нашарила тапку. Бросок – гусеница рассталась с шурупом. В голове взорвалась граната, Максимов учащенно задышал.

Похмельный день начинался. Он встал, раздавил гусеницу. Нормальная домашняя гусеница, отлично сочетающаяся

с Новым годом. Из цветочного горшка, очевидно, вылезла, Маринка там чего только не выращивает. Натянул дырявое трико. Долго и задумчиво созерцал одинокий шуруп в стене. Сколько лет прожил в этой комнате, а ни разу не замечал, что из стены торчит шуруп.

Это ж надо так напиться. Последнее воспоминание – испуганный скотчтерьер с козлиной бородой, шарахающийся от незнакомого дяди, и хозяйка терьера, вззирающая на пьяного сыщика с тихим ужасом. Бетонный забор, канава, разливное пиво на брюках... Бичуем, Константин Андреевич? Ангел-хранитель заботливо, как уже не раз, довел его до дому, сопровождал до унитаза и уложил в постель.

Из кухни доносились лающие звуки. Подобно Семен Семенычу Горбункову, очнувшись с похмелья и не нашедшему в квартире жены, он ухмыльнулся и побрел на кухню. Увы, там не было даже мента, жарящего яичницу. На улице лаял и чихал прохудившийся «Опель» соседа Борзых, этот звук доносился из форточки. На столе лежала записка: «Папахен, я уже убежала. Так держать!»

– Стыдно, Максимов, стыдно... – пробормотал он и открыл холодильник. Спиртного не было – Новый год еще в перспективе. Утренняя гомеопатия исключалась. В наличии имелись майонез и курица. Вид торчащей из кастрюли гузки лишь усилил страдания. Проглотив тошноту, Максимов потащился в ванную.

Жуткая драма разыгралась вчера вечером на пересечении

улиц Казакова и Державина. Максимов возвращался с работы. Пару кварталов прошел пешком: при минус восьми грех не прогуляться. Заглянул в парфюмерную лавку, чтобы прикупить полезных штучек для Екатерины с Любашей. Попутно выслушал комплимент продавщицы (какой, дескать, хорошо одетый мужчины и без обручального кольца), отвесил пару встречных. Пообещал зайти на следующий день и еще что-нибудь сказать. Потом обнаружил, что кончаются сигареты, зашагал в павильон на упомянутом пересечении. Было тихо, хорошо, снег летал пушистыми хлопьями, искристые снежинки танцевали в свете фонаря. Даже писающий за углом «мальчик» с хроническим простатитом не испортил настроения. Купив сигареты, Максимов вышел из павильона и задумался. Почему бы не приобрести подарки к Новому году? Лохматову, Вернеру, родной дочери. Первому – бомбилю с калечасой (покуда не забыл, что это такое), второму – коньячный набор с рюмками, третьей – долгожданный плеер с возможностью прослушивания записей в формате MP3 и все такое (консультант расскажет). Главное, не выходить за рамки кошелька. Не он один такой – коллеги тоже где-то познают радость товарно-денежных отношений. Бродят по магазинам, мучительно гадая, что бы подарить любимому начальнику – чтобы и себе приятно, и ему не в тягость. Если бы он не замер у павильона, то не стал бы причастен к трагическим событиям. Появился пьяный охранник некоего ЧОП: здоровый кобель, рассупоненный, наглый. Обмате-

рил продавщицу, треснул по загривку случайного покупателя, имевшего наглость сделать замечание. Осколки разлетевшейся витрины подстегнули пьяную ярость.

– Что ты делаешь, придурок? – завопил молодой парень, проходящий с приятелем мимо. Начался беспредел. Пьяный в дым охранник выхватил пистолет и, выкрикивая похабщину, начал стрелять. Пистолет оказался не газовым. Стоящий в отдалении Максимов с ошеломлением наблюдал, как из ствола вырываются язычки пламени. Не каждый день такое увидишь. Одного из парней подонок ранил в шею, другому пробил грудь. Люди в панике разбежались. А стрелок, сразив двоих, перенес огонь в пространство. Продавщица ближайшего киоска бросилась к «тревожной кнопке». Распахнув ногой дверь, пьяный мерзавец ворвался в застекленный павильон, взял на мушку женщину в норковой шубе, сорвал с нее шапку. Женщина была беременной. Нашелся храбрец из числа стоящих у кассы, попытался вырвать пистолет, за что получил пулю в висок... Когда Максимов вбежал в павильон, внимание бандита переключилось на пожилую даму с внучкой, обе вопили о пощаде. Картина возмутительная: раненный в шею лежал без движения, кровь сочилась в снег, второй пытался приподняться, громко стонал. Труп внутри павильона, мозги на полу, под ногами пакет, из которого рассыпались продукты: палка сырокопченой колбасы, коробка конфет... Кучка рехнувшихся от страха граждан... Преступник, опьяненный видом крови, перекошенный, изверга-

ющий помойную брань, обернулся и вскинул пистолет. Максимов нырнул за холодильник с напитками. Пуля разнесла стекло. Второй обоймы у преступника не было. Щелчок – он судорожно пытался передернуть затвор, Максимов налетел, как коршун, с одного удара разнес подонку челюсть...

Дальнейшие события он помнил неотчетливо. Пелена перед глазами. Он бил подонка, пока не преобразил ему всю физиономию. До смерти не забивал – это точно. Оставил его, хрипящего, на корточках отполз к разбитой витрине. Народ потихоньку сматывался. Собирались зеваки. Когда вбежали охранники торгового центра и принялись вторично выбивать из него дьявол, Максимов выбрался на улицу – не хотелось дожидаться приезда милиции, участвовать в составлении протокола, объясняться: неизвестно, чем еще закончится... И без него убийцу благополучно отправят за решетку, предъявят букет обвинений: «хулиганство с применением оружия», «нанесение тяжких телесных повреждений», «убийство лица, выполняющего общественный долг»... Лицензию на предоставление охранных услуг у фирмы, в которой работал убийца, скорее всего, отнимут. Долго и кропотливо будут выяснять, почему у охранника, который не был при исполнении, да еще и пьяного в три телеги, оказалось при себе оружие...

На улице его вырвало. Он увернулся от машины «Скорой помощи», от неспешно подъезжающего патруля с мигалкой, побрел через двор монолитной многоэтажки. Дальше

память – вразнос. Импортный коньяк из горлышка на «берегу» заснеженного фонтана у Дворца культуры железнодорожников. Нервный очкарик, брошенный девушкой, подумывающий о суициде и упорно интересующийся, не желает ли Максимов присоединиться к благому делу. Совместное распитие. Очкарик, пошатываясь, удалялся во мрак. Короткая очередь в винно-водочный отдел, уговоры какого-то толстяка догнаться пивом в кедах... пардон, в кегах... Но когда на дамбе Октябрьского моста его – кривоходящего, падающего, одинокого – догнали наглые юнцы и попытались раздеть, Максимов не растерялся. Включились рефлексy. Счастье хулиганов, что дело происходило на дамбе, а не над рекой. Временное отступление, перегруппировка. Самого нахального он размазал носом по проезжей части, «напарника» схватил за шиворот, перевалил через ограждение и швырнул с откоса. Затем принципиально догнал первого, наcostылял по ребрам и, невзирая на истошно плаксивое: «Дяденька, не на-а-адо!!!» – пинком отправил вслед за всеми. Тупо наблюдал, как, скуля от ужаса, формируя красивую снежную лавину, паршивец кубарем катится с гигантской дамбы...

Появление в родных стенах память просто игнорировала. Настало утро 30 декабря – страшное, как атомная война. Интуиция подсказывала: Новый год не принесет приятных сюрпризов.

Существо, возникшее в десять утра на пороге агентства «Профиль», напоминало руководителя лишь условно. Ека-

терина в новой кофточке, сверкающей мириадами блесток, водружала на стол начальника искусственную елочку. В телевизоре кривлялся безголосый поп-идол. Олежка Лохматов осторожно опускал в стакан с чаем кусочки рафинада и удивлялся, почему сахар растворяется с таким яростным шипением.

– Мамочка родная... – оторопела Екатерина. – А мы решили, что босс с утра пораньше пошел за подарками. Сидим такие наивные и ждем... Я тоже хотела вам вчера подарки купить, а потом увидела эту красивую кофточку и подумала: да ну вас, ребята...

– Я хотел... – прохрипел Максимов, неверным шагом направляясь к замаскированному бару. Олежка Лохматов выронил подозрительный рафинад и недоверчиво воззрился на начальника.

– Вот это да-а....

– Пиво пил, – хлопая глазами, определила Екатерина. – После водки. А кроме того, пережил глубокую личную драму. Смертушка ты наша ходячая.

– А в пиве, между прочим, присутствует трупный яд, Константин Андреевич, – сглотнув, просветил Олежка. – Так называемый кадаверин. Образуется в результате брожения хмеля. Так что сильно на это дело не налегайте...

– Заткнись, – буркнул Максимов, открывая бар. Разноцветная шеренга, безусловно, радовала.

– Не поможет, – покачала головой Екатерина, – облегче-

ние на час, а потом вторая волна. Между прочим, Костик, в соседнем супермаркете рядом с отделом приколов открылся новый отдел – «Все для похмелья» называется. Огурцом, конечно, не станешь, но от мучительной смерти – так называемого постинтоксикационного алкогольного синдрома...

– И ты помолчи, – уронил Максимов, зубами отвинчивая крышку с первого, что попало под руку. Выпил маленькими глоточками. Подождал, пока разбежится по артериям и венам, поднял голову и обвел сотрудников свинцовым взглядом. Мысленно пересчитал.

– А где наш зам по половым связям с общественностью?

– Здесь я, – донесся из кладовки утробный голос Вернера. – Елочные игрушки с Любашей пытаемся достать...

– Пытается он... – проворчала оттуда же Любаша. – Всю уже облапал, а до елочных игрушек так и не добрались... Как смешно вы, Константин Андреевич, выразились – «по половым связям с общественностью»... Это я ему, что ли, общественность?

– Зампопол, – задумчиво изрекла Екатерина. – Надо бы запомнить.

В кладовке отчаянно завозились, захихикали, показались две лохматые головы.

– Мамочка... – перепугалась Любочка, – кто это к нам пришел?

– Ну и ну, – невозмутимо покачал головой Вернер. – А почему бы и нет, коллеги? В этом есть своя поэзия. Не пом-

ню, кто сказал, возможно, Лев Аннинский – что мы такие умельцы, что и сами себя лучше всяких врагов уничтожаем. Рассказывай, командир. Не забудь присесть и закусить.

– Мы надеемся, ты не на машине приехал? – предположила Екатерина.

– А на чем? – поджал губы Максимов. – Честное слово, не заметил, коллеги, – добрел до стоянки, сел, вырулил – два квартала проехал, вспомнил, а потом уж поздно было возвращаться... Н-да уж.

– Точно обалдел, – произнесли они как-то слаженно.

– На кого ж ты нас покинуть-то хотел? – добавила Екатерина.

Молча выслушали рассказ. Секретарша Любочка побледнела, встала и на цыпочках удалилась. Олежка с сожалением посмотрел на чашку с чаем, отодвинул ее на край стола. В глазах участливой Екатерины тихий ужас сменялся жалостью к ближнему. Вернер не поленился встать, заботливо налил в граненую стопку и мягко поставил перед начальником. «Спасибо, дорогой», – поблагодарил Максимов глазами и с удовольствием выпил.

– Ничего себе известие, – пробормотала Екатерина. – Это событие, между прочим, вошло в утреннюю криминальную сводку. Труп, двое раненых и много перепуганных граждан. Пострадавших доставили в больницу, покойника – в морг. Кто умирает, того не лечат. Преступник, набравшийся до поросьячьего визга, схвачен, препровожден в СИЗО. Выйдет не

скоро – году, я думаю, к 2030-му. Наибольшую активность при задержании преступника до приезда милиции проявили работники службы безопасности ООО «Гетман», владеющего «пассажем». Прибежали, скрутили преступника. Свидетели рассосались – стали протокол составлять, а нету никого... Ни о каком постороннем мужчине, принявшем деятельное участие в поимке злодея, не сообщается.

– Так он же скрылся с места преступления, – напомнил Вернер. – Загадочный мужчина таинственным образом исчез, переложив лавровый венок на головы непричастных. Непричастные не в обиде.

– Чихал я на эту сомнительную честь, – споткнувшись, заявил Максимов.

– Затаскают, – буркнул Лохматов.

– Кстати, ни о каких хулиганах, подвернувшихся под твою горячую руку и скатившихся с дамбы Октябрьского моста, в новостях не упоминалось, командир. Радуйся. Ты просто мастер своего дела.

– Всех врагов одним махом, – улыбнулась Екатерина.

– Побивахом, – конкретизировал Олежка.

– Не кручинься, командир, – успокоил Вернер. – Такие вещи происходят каждый день. Просто мы участвуем в них редко. Вот и выглядит как нечто вопиющее. Расслабься. Жизнь штука несерьезная.

– Вот и покойник на том свете скажет, – хмуро бросил Лохматов.

– Все, коллеги, – хлопнул Максимов стопкой по столу. – Довольно лирики. Новый год грядет, дело серьезное! Делаем мучительную попытку сосредоточиться. Что у нас в перспективе? Монетизация льгот не по нашу честь – пусть пенсионеры после праздников выходят перекрывать дороги. Пешком ходить будем. Десятидневные каникулы тоже вас, слава богу, не касаются. Безделье вредит. Пятого числа буду крайне польщен увидеть всех на работе. Про цунами в Индийском океане тоже молчу – штука неприятная, но нас не задела.

– Тебе спасибо, – буркнул Вернер. – За нашу невысокую зарплату.

– В излишества не окунешься, – поддержал Лохматов.

– На такие деньги не то что приодеться – прираздеться толком нельзя, – присоединилась к коллегам Екатерина, снискав красивым заявлением тихие аплодисменты. Максимов поморщился.

– Вот и славно, дети мои. Сидите дома, готовьте заливную рыбу, ждите дедушку-дарителя – словом, по возможности достойно встречайте год Петуха.

– Я лучше Снегурочку подожду, – проворчал Вернер. – Есть тут на примете одна снегуристая...

– А тот, кто будет перебивать, выйдет на работу 31 декабря, – строго сказал Максимов. – Остальные не выйдут.

– Звучит-то как... – мечтательно закрыла глаза Екатерина.

– С небольшой поправкой, коллеги. Если сегодня, 30 де-

кабря, до восемнадцати ноль-ноль не нарисуетя клиент с важным и неотложным делом, готовый заплатить по десятикратному тарифу...

– Господи... – взметнула руки к потолку Екатерина. – Давайте же молиться со страстью нечеловеческой, чтобы не послали темные силы на наши несчастные головы...

– Не придет, – компетентно заявил Вернер. – Покажите мне такого чудака, кто под Новый год соберется воспользоваться услугами частных сыщиков. Веселиться надо! Праздновать!

– Сплюнь, – опасливо сказал Лохматов.

Вернер сплюнул. Все застыли, охваченные недобрым предчувствием. Тишина воцарилась в офисе. Любаша далеко в приемной стучала по клавиатуре – активная у нее игрушка, развивает физически; жильцы наверху апробировали новую дрель; в телевизоре четыре безголосые, но хорошенькие дивы старательно, но как-то сонно выводили: «Тик-так ходики...»

– Не дотерпим до шести, – со вздохом резюмировал Вернер. – В голый нерв превратимся.

– Плюс загадочное дело супружеской четы Корольковых, – вспомнил Максимов. – Не нравится оно мне, покоя не дает...

Меньше всего он ожидал, что последние слова вызовут бурю веселья, и стены содрогнутся от гомерического хохота. Олежка схватился за живот, пытался что-то сказать, но

не мог, Вернер рухнул головой на стол, в припадке веселья сбросил на пол и разбил любимую чашку Лохматова, а Екатерина громко икала, и потребовались усилия всей команды, чтобы вернуть ее к нормальной жизни.

– Я сказал что-то не то? – обескураженно спросил Максимов.

– Все в порядке, – объяснил Вернер, хлопая Екатерину по спине. – Гражданка Королькова позвонила сегодня утром и пристыженно дала отбой. Загадка разрешилась.

Эти законопослушные, симпатичные граждане проживали на первом этаже – под агентством. Совсем как в сериале – Саша и Маша. Была у них болонка – Брулька. Шустрая, беленькая – Маша часто ее выгуливала под окнами. А намедни Брулька пропала. С концами. Максимов встретил супругу Королькову – то бишь Машу – у дверей подъезда: расстроенную, подавленную. И крайне изумленную. Куда пропала Брулька? Утром, как обычно, проводила мужа на работу (сама она временно не работает и терпеть не может этим заниматься) и готова присягнуть, что собачка вслед за Сашей в подъезд не выскакивала. Прибрала постель, приняла положенные водные процедуры, заварила кофе. Отсутствие Брульки полусонная Маша обнаружила лишь после того, как устроилась с чашкой кофе перед любимым утренним сериалом и не обнаружила в ногах привычного повизгивания. Но сначала не расстроилась – мало ли куда смылась любимица. Может, в прихожей на коврике валяется. Досмотрела сериал,

помыла чашку. Тут и ощутила Маша легкое беспокойство. Не было болонки на коврике в прихожей! Бегло осмотрела квартиру – нету. Осмотрела углубленно. Прошерстила шкафы, обшарила выдвижные ящики под кухонным гарнитуром. Заглянула в диван, куда сложила постельное белье. Сунула нос за шторы, за буфет, за сервант, тщательно обыскала прихожую. Осмотрела холодильники, книжные полки, стиральную машину, в качестве бреда перевернула зимние сапоги, постучала об пол, потыкала спицей в землю с цветами и даже глянула за ковер, висящий на стене, – не сплющило ли там несчастную Брульку? Села на диван и взялась трезво оценивать ситуацию. Квартира на первом этаже, балкона нет. Форточка в зале в принципе открыта, поскольку топят нещадно, но снаружи к ней прибита сетка от комаров, которая как висела, так и продолжает висеть. Саша не считает сетку от комаров в канун Нового года чем-то абсурдным (зато потом не надо вешать), а Маша такими сложными хозяйственными работами старается себя не загружать...

Попытка трезво оценить ситуацию привела к тому, что у Маши сдвинулась крыша. Она схватилась за телефон, вызвала с работы мужа. Муж примчался, вторично обшарили квартиру. Нет болонки. И Саша готов присягнуть, что Брулька вслед за ним в подъезд не выбегала. И не в ее это обычновениях. Ленивое существо. Сетка на окне не порвана, поэтому нет оснований полагать, что Брулька превратилась в кошку. А ночью собачка присутствовала в квартире точно,

поскольку лезла на кровать, и Маша постоянно за нее цеплялась. Словом, мистика открытым текстом. Саша снова отбыл на работу, а Маша вся в слезах отправилась на улицу, где и встретила Максимова. Захлебываясь слезами, обо всем поведала. Максимов позвонил Екатерине, оторвал ее от сложной косметической операции по удалению заусенцев с ногтей, попросил помочь попавшей в беду гражданке. Опять последовал методичный квартирный шмон. В пять часов вечера – перед приходом Саши с работы – Екатерина вернулась в контору, села в позу мыслителя и тупо пробормотала: «Ничего не понимаю...»

Утром позвонила Маша и срывающимся от волнения голосом поведала, что Брулька нашлась! Собственно, она никуда и не пропадала. Вечером Саша пришел с работы, Маша всплакнула у него на плече – каково там бедной Брульке в параллельном мире? В пятый раз обыскали квартиру. Стали готовиться ко сну. Саша разложил диван, вынув из него постельное белье, раскатал свернутое в рулон одеяло... и обнаружил сдавленную, сплюсненную, почти задохнувшуюся Брульку! Маша утром на сонную голову скатала одеяло, не заметив, что на ней без задних ног дрыхнет собачка (Брулька белая и одеяло белое), сунула в ящик под диваном вместе с прочим бельем и побрела чистить зубы. А потом кофе, жвачка по телевизору... А Брульку так сдавило, что ни пукнуть, ни вякнуть. Так и пролежала несчастная весь день, не в силах подать звуковой сигнал. Когда ее нашли, она уже

глазки закатывала. Живо Брульку в охапку, в машину – и бегом до ближайшей круглосуточной ветеринарной клиники. Вроде откачали, хорошие у нас медики, сердобольные, да и с чувством черного юмора у них полный порядок. Стены тряслись от хохота...

– Красивая новогодняя история, – подытожил, когда отгремело веселье, Вернер. Мельком глянул на часы. – Ага, еще немного времени прошло...

Похмелье отступало, упорно обороняясь и возводя баррикады. К одиннадцати часам в голове появились проблески. Для закрепления эффекта требовалось сунуть голову под кран. Он прошел на кухню, приспособленную для бытовых, в том числе похмельных, нужд, установил смесителем нужную температуру...

Когда Максимов, посвежевший и почти не издающий во ни перегара, вошел в офис, скабрзных шуточек не последовало. Сотрудников сразила неподвижность. В кресле для посетителей восседал клиент и с надеждой смотрел на Максимова.

Он легко мог представить, что творится на душе у товарищей. Едва-едва заблестел лучик надежды...

– Здравствуйте, – тихо сказал со вкусом одетый мужчина – средних лет, скорее упитанный, чем худой, скорее невысокий, чем рослый, с приятной интеллигентной, но покрытой каким-то серым налетом физиономией. Такое ощущение

ние, словно он месяц просидел в компании с покойником. Глаза у незнакомца были грустны и маловыразительны.

– Здравствуйте, – пробормотал Максимов. – С наступающим вас.

– И вас, – трагично вздохнул незнакомец.

Надрывисто заскрипело в голове. Не успело стать лучше, как снова похмелье...

Он украдкой покосился на коллег. Екатерина драматично улыбалась – ярко демонстрируя, как человечество, смеясь, расстается со своим будущим. Олежка изображал жадного потребителя рекламы, пялился в немой экран, где махали ногами блондинки в роли зубов. Вернер с выражением пафосного трагизма смотрел в пол.

– Мне сказали, что без вас в этом агентстве вопросы не решают... – посетитель мял в руках норковую кепи. – Меня зовут Николай Витальевич Кравцов...

– Слушаю вас, – вздохнул Максимов, погружаясь в директорское кресло. – Не стесняйтесь, уважаемый, рассказывайте, что у вас наболело.

Предварительный вывод относительно натуры и частично анкетных данных он уже сделал. Нерешительный, безвольный в житейских ситуациях человек, однако парадоксально преображающийся на работе и имеющий достаточно знаний и смекалки, чтобы вести успешный бизнес. Встречаются такие экземпляры. Как минимум пара высших образований. Горькая ирония – в том числе к самому себе... такому. То

есть человек прекрасно понимает, что может быть смешон, но обстоятельства (которые вбил себе в голову) значительно выше.

Так оно и началось.

– Видите ли, – начал сбивчиво посетитель, – я возглавляю довольно крупное юридическое агентство «Гудвин»... Ну, вы понимаете – консультации населения по вопросам обеспечения права, соглашения с предприятиями, желающими обрести солидную юридическую поддержку, помогаем с обменом квартир, продажей, перепланировкой, оформлением документов, восстановлением утраченных документов; судебные дела – жилищные, семейные, наследственные, прочие вопросы...

– Не совсем, – честно признался Максимов.

– Да это не относится к делу, – бледно улыбнулся Кравцов. – Бизнес работает, в чем немалая заслуга моих заместителей... Я живу в приличном доме на улице Державина – двухуровневая квартира с дорогой отделкой... – снова бледная самоирония? – Трехэтажный коттедж в зоне ОбьГЭСа, две машины... Детей, к сожалению, не получилось. Близких родственников тоже, увы, нет. За исключением, разумеется, жены...

– Хорошо, давайте про жену, – тяжело вздохнув, подключился Вернер.

– А про жену рассказывать нечего, – развел руками Кравцов. – Зовут Альбина, тридцать четыре года, некоторые счи-

тают красавицей...

– Но не вы, – ожила Екатерина.

– Мне без разницы, – улыбнулся Кравцов. – Я давно уже вышел из того романтического возраста... Подождите, я еще не закончил. У жены имеется родная сестра Виктория, у Виктории – супруг Владислав. С детьми аналогично не повезло – просто проклятье какое-то родовое... Вы позволите закурить?

– Курите. И, пожалуйста, к делу, – до конца работы оставалось шесть часов. Не все еще потеряно.

Закурив, Кравцов частично справился с бледностью и попросил Максимова удалить посторонних. Недоуменно пожав плечами (от сотрудников какие, мол, секреты), Максимов все же выполнил просьбу. Троица с радостью умчалась – хоть в этом послабление.

Вникать в подробности человеческого сумасшествия приходилось часто. Но ни разу под Новый год. Очень даже не бедствующий человек гражданин Кравцов. В ноябре заключил, без преувеличения, многомиллионную сделку: путем замысловатых комбинаций узаконил самовольные строения, отгроханные руководителями крупных организаций. Дело, безусловно, темное, но в принципе не незаконное. Ведь в отечественном праве столько дырок и извилистых ходов, что воспользоваться ими, обладая соответствующими знаниями, вовсе не преступление. И все бы шло нормально, но терзают Николая Витальевича... предчувствия смерти. «А какие

они?» – тут же поинтересовался Максимов, надеясь поставить собеседника в тупик. Но Кравцов не растерялся. Сны он видит, популярно объяснил посетитель, с наличием кладбища. Тоскливо там. Днем хоронят, ночью мертвые с косами. Засыпать боится. Ангелы без лиц летают перед глазами. Тоска необъяснимая гложет. Жизнь, с момента обретения памяти, проходит перед глазами. Мать покойная нашептывает, к себе зовет. Да и как толково объяснить, что такое предчувствие смерти? Ну, представьте, что стоит перед вами расстрельный взвод, перекуривает, за работу вот-вот возьмется. Какие у вас предчувствия?.. Словом, вбил себе в голову удачливый бизнесмен, что этот год в его жизни – последний. Не тот, который впереди, а этот, от которого осталось тридцать восемь часов...

Работа по указанной причине валится из рук, пить начал, взвалил обязанности директора на плечи замов (слава богу, пока справляются). Дома все наперекосяк, депрессия гнетет, мрачные фантазии процветают. Начал жену подозревать в измене – хотя плевать хотел на ее измены, да и на нее... А тут еще зловещие электронные письма без обратного адреса, обращенные лично к нему, Кравцову. Человек он в принципе образованный, понимает, откуда в компьютере берутся письма. Обратился к провайдеру с просьбой поспособствовать, чтобы тайное сделалось явным (подкрепив просьбу хорошим вознаграждением). Но выяснить не удалось, координаты адресата были упрятаны не хуже пресловутого Грааля.

– Что за письма? – недоверчиво спросил Максимов. В фильмах ладно – там приходят электронные письма угрожающего содержания, и герои начинают метаться в ужасе. В жизни как-то несерьезно, и если данный факт все же имеет место, то это либо детство, либо невменяемость. Либо единственное, на что способен недоброжелатель.

– Полная чушь, – фыркнул Кравцов. – Отсутствие конкретных претензий, какие-то подспудные угрозы, детали биографии, о которых я уже не помню... А главное, намеки, что я обязан сделать ЧТО-ТО, хотя и непонятно, что... Отпечатано жирным шрифтом, как будто у меня плохое зрение. А может, просто подчеркивают угрозу – как вы думаете?

– Тексты писем случайно не захватили?

– Даже не сохранил, – поморщился Кравцов. – Удалял, как пыль с экрана. А если вас интересует примерное содержание... – Кравцов уставился в потолок, зашевелил губами, – извольте: «...Вы опять нарушили условие... У вас осталось четыре дня. Если вы не выполните все, что полагается...» А далее – загадочное многоточие, Константин Андреевич. Дескать, сам додумывай. И так далее, и тому подобное. Кажется, что пишет либо ребенок, либо человек, у которого не все в порядке с головой. Но впечатление производит. Понимаете? Поначалу – ничего, ничего, а потом вдруг начинается трясина...

– Может, вас с кем-то путают?

– Да нет, – вздохнул Кравцов, – по имени-отчеству вели-

чают.

– А вы не совершали в последнее время... – Максимов задумался, как бы поэтичнее выразить мысль. – Ну, скажем так, ничего предосудительного?

Вот с этого момента и началось интересное. Помявшись и дважды поменяв цвет лица, Кравцов поведал занятную историю. Нечто среднее между рассказом Эдгара По, Буало с Нарсежаком и отдельно взятой серией бразильского «мыла». Николай Витальевич без памяти влюбился! В его-то годы! Впервые за всю свою непутевую жизнь! Женитьба пятилетку назад не в счет – женился тогда не по любви, а от восхищения: ну как же, отхватил самую красивую женщину региона! Да разве в красоте дело?! Максимов слушал, не перебивая, а Кравцов, неуклонно скатываясь в поэзию и романтику, говорил все более доверительно и откровенно. Тяжело на Руси влюбленному интеллигентному человеку...

Дело было в третьей декаде ноября. В ту пору еще не терзали Николая Витальевича тяжелые предчувствия и мрачные видения. Он упорно трудился, зарабатывая на счастливое завтра для себя, супруги и детей (будут же они когда-нибудь?). Загадочная встреча произошла поздно вечером, недалеко от ресторана «Гурман», в котором Николай Витальевич с деловыми партнерами обмывал очередную сделку. Вышел относительно не пьяный. Отлично помнит, что в этот вечер было не холодно, падали снежинки, ветер почти не дул. Не погодка, а подарок. Но с утра опять на рабо-

ту, хорошо бы выспаться. Вышел Кравцов на тротуар и поднял руку. Подъехала машина с шашечками. И тут он обратил внимание, что на том же тротуаре стоит женщина с поднятой рукой. Кравцов, как истинный джентльмен, не полез, отталкивая даму локтями, а деликатно уступил очередь. Даже дверцу приоткрыл: «Прошу вас, мэм, я дождусь следующей машины». Та спокойно поблагодарила, села на заднее сиденье, а Кравцов побрел к светофору. Такси тронулось, проехало несколько метров и притормозило. «Вам куда?» – спросила женщина, опустив окно. Оказалось, что им примерно в одном направлении...

А потом случилось помутнение. То ли юность под градусом пригрезилась, то ли аура исходила от женщины... Он сидел рядом с ней и видел лишь неясный контур лица, который оживал от света фонарей, озарялся желтоватым оттенком, от которого картина, впрочем, не прояснялась, а становилась, напротив, расплывчатой и неосязаемой. Он что-то тихо произнес, обращаясь к женщине. Она ответила. «Почему мне так знаком ваш голос?» – поразился Кравцов. – Убежден: мы ни разу в этой жизни не встречались... Женщина негромко рассмеялась. «Мы встречались с вами в прошлой жизни». Очевидно, так и было. Первое впечатление прошло. С большим облегчением он констатировал, что особа незнакома. И затмение потихоньку делало свое черное дело. Женщина весьма одинока и печальна. У нее большие глаза, неторопливые движения. «Простите, пожалуйста, – произнес он, вол-

нуюсь. – Вы не очень торопитесь?» Оказалось, что не очень.

Они покинули такси задолго до места назначения. Бродили по вечерним улочкам, скупо освещенным фонарями. На Кравцова снизошла нелепая блажь. Он менялся на глазах, становился другим человеком. Говорил о себе, о погоде, вспоминал смешные анекдоты. Женщина смеялась, отвечала тем же. Но о себе повествовала расплывчато: кто такая, где работает, возможно, она и говорила, но в голове абсолютно не осело. Звать Наташа, вроде бы приезжая, снимает квартиру, засиделась у подруги, побежала к ресторану ловить такси... Только сейчас он начинает понимать, что вела она себя довольно странно. Они не шли по освещенным улицам, где даже в поздние часы плотное движение, а первые этажи зданий отданы неоновому капитализму. Наташа уводила его в какие-то переулки и подворотни, уверяя, что так ближе. Кравцов не возражал. Хулиганов не было, перевелись в эту ночь на земле хулиганы. Может, так и надо. Может, она стесняется... В темном закоулке он обнял ее за плечи, повернул к себе, поцеловал. И зажмурился, ожидая немедленной порки. Женщина негромко засмеялась. Ее глаза блестели. Кравцов поплыл по волнам блаженства... А дальше было как в кино. Первое время он еще ориентировался в нагромождениях домов, узких улочках с разбитыми фонарями, подсознательно подмечая, что идут они параллельно улице Вертовской. Но вскоре свернули и угодили в самый рассадник деревянных двухэтажных домов, построенных еще в соро-

ковые годы прошлого века для рабочих эвакуированных заводов. В этих лабиринтах и днем несложно заблудиться, было бы желание. А желанием Кравцова обеспечили надежно. «Извини, но я здесь живу, – прошептала Наташа, целуя его горячими губами. – На более приличный район не хватает денег... Не зайдешь ко мне на чашку чая?» Она еще спрашивает! Он зашел бы даже на чашку уксуса! В голове творилось что-то беспорядочное. Эта женщина легко и просто делала из него идиота. В глазах двоилось, он не помнил, как вошли в барак. В голове отложилась облупленная лестница, пыльное недоразумение в плафоне, освещающее исключительно себя, поворот налево, поворот направо (или наоборот?), допотопная деревянная дверь, в которую Наташа вставляла ключ. Он дрожал от нетерпения, был близок к самовозгоранию, не догадываясь, что приставка «само» здесь неуместна, а причиной возгорания стал поджог...

Как-то аврально проходила эта ночь – словно отчитываться предстояло перед начальством. Никогда Кравцов не отмечал за собой склонностей к сексуальному гигантизму. Семейная жизнь вообще такому не способствует (жена Альбина легко бы отхватила первый приз на конкурсе «Мисс фригидность»). А в эту ночь как плотину прорвало! Он выступил в полной красе. Незнакомка притягивала сильнейшим магнитным полем. Ее глаза блестели в темноте, упругое тело послушно изгибалось и вилоьсь вокруг Кравцова. Откуда у нее такой сексуальный опыт? Лучше не думать. Ночь текла без

электрического света. Из всей обстановки он запомнил лишь забавно скрипящую кровать, угол древнего буфета, криво-рукий тополь в полумгле за квадратом окна, да источающие волшебное мерцание огромные глаза напротив. Даже в душ Кравцов не ходил, да и был ли душ в этом странном доме? Здесь, наверное, по старинке моются в тазике на кухне...

Сказка завершилась, прямо скажем, не очень. Волшебная ночь пролетела как в тумане. «Тебе пора, любимый, – сказали ему на ухо. – Беги к жене, созвонимся». За окном еще не рассвело, этот факт удержался в голове. Голос лежащей рядом женщины звучал как установка. А далее – снова пропасть, он не помнил, как одевался, уходил, спускался по лестнице, бродил по закоулкам и задворкам, словно заблудившийся грибник... В себя Кравцов пришел от длинного автомобильного гудка, прозвучавшего, как сигнал к казни. Чуть инфаркт не схватил. Проехала машина, он отправился вслед за ней, появившись вскоре на улице Вертковской, вблизи телецентра...

Смекалки хватило – выклянчить в киоске бутылку паленой водки. Половину выпил, остальным облился, а в подворотне рядом с домом стянул с себя пальто и хорошенько по нему потоптался. «Сделку отметили, – буркнул Кравцов, проходя мимо бледной и не спавшей жены. – По башке дали, ничего не помню». Она не бросилась ему на шею, как-то странно посмотрела, но ему было глубоко до лампочки.

С этой ночи и начались в мироощущении Кравцова необ-

ратимые изменения. Наташа не позвонила, он не помнил, давал ли ей свой номер сотового. Ни в этот день, ни в следующий, ни в последующий. Он даже дом не запомнил! Одержимость грызла Кравцова. Он тупо бродил по району, примыкающему к улице Вертковской, уныло обходил одинаковые бараки, мялся у подъездов, полагая, что сердце подскажет. Дважды нарывался на хулиганов, трижды – на стаи бродячих собак, насилу унося ноги, но только распался. Жизнь неслась кувырком: тоска дремучая, работа валится из рук, к алкоголю начал проявлять симпатию, жена странно посматривает, электронные письма со смутными угрозами... А главное, женщина, с которой он провел ночь и в которую влюбился, как гимназист, исчезла из его жизни, оставив после себя лишь клиническую патологию...

Недели через две чудо повторилось. Он начал приходить в себя, зашел после работы в кабачок – пропустить стаканчик глинтвейна. Пропустил и второй, благо полумрак и приглушенный говор располагали. Кто-то подошел к столику, сел слева. «Хорошая шубка, – машинально отметил Кравцов. – Проститутка, наверное». Он собрался открыть рот и ляпнуть, что по правилам этикета женщина в заведении садится справа от мужчины (либо же напротив), поднял голову... и обомлел. Страх, восторг, вакуум в желудке. По лицу незнакомки сновали тени. Зовущий магнетический блеск в глазах. И снова все перемешалось в Кравцове. Словно не было этих двух недель. «Извини, что не позвонила, – сказала На-

таша. – Замоталась с делами»... Взяла его за руку, как ребенка, повела из кабачка. Спросить, откуда она здесь, конечно, не отважился. И снова ночь пролетела как в бреду. Заднее сиденье такси, Наташа бросает водителю, куда ехать, погружается в его объятия, он ищет сладкие губы... Очень долго идут пешком (не по спирали ли?), барак погружен в темень – ни лампочки, ни фонаря – какая разница? И снова он не помнил, как поднимались в этот дом посреди замшелого барачного района, который все никак не могут снести... Повороты, дверь, полутемная квартира, ветхая мебель, кровать. Криворукий тополь в квадрате окна, гнуций ветви под напором ветра – словно монстр, растопыривший конечности... Волшебная ночь любви. Откуда столько энергии скопилось в Кравцове? Работал не покладая рук, наслаждаясь упоительной близостью. Крышу снесло окончательно. На пике эмоций прямо из кровати позвонил жене, заявив, что подает на развод и домой ночевать не придет! Глаза Наташи поощрительно блестели в темноте, ласковые руки гладили интимные места, ласкали, будоражили...

Эффект не превзошел ожидания. Супруга к «неожиданным» новостям отнеслась сдержанно: «Хорошо, дома поговорим». А Наташа выпорхнула из кровати, прибежала откуда-то с шампанским (свет оставив в коридоре), села перед ним, вся такая распахнутая, сводящая с ума... Пили из горлышка, смеясь, дурея от близости, еще разок позанимались любовью... а потом Кравцов начал вырубаться. Вроде был

звонок на сотовый (не на его) – но это уже смутно помнится. До шампанского или после – память за достоверность не ручается. Уснул. Глубоким беспробудным сном последнего идиота. В памяти остались блики тусклой лампочки из далекого коридора, исходящая жаром Наташа, обнимающая сразу двоих – Кравцова и оборванного плюшевого медвежонка со свернутым носом...

Очнулся от пронзительной боли. Череп трясло, глаза вываливались из орбит. В квартире – никого. Собрал разбро-санную по полу одежду, потащился в другую комнату, затем на кухню, выключил свет в коридоре (с детства приучили к экономии), вернулся в «спальню». Просто адски трещала голова. Вместо Наташи нашел под кроватью пустую бутылку из-под шампанского, дюжину тараканов, кое-как осмотрелся. Квартира в жутком состоянии, стены дырявые, проводка наружу, запустение повсюду. А в компании с Наташей он ничего такого не замечал! Шкаф на покосившихся ногах, древний комод, фикус, достойный места в гербарии. Ключ на табуретке (Наташа позабыла? Кравцову вроде ни к чему – замок английский, с защелкой). Вещей почти никаких – да он и не всматривался в чужие вещи. За окном – дурацкий криворукий тополь... Распахнул Кравцов разбухшую форточку, проветрил помещение, оделся (из вещей ничего не пропало), сел на койку и принялся ждать. А вдруг Наташа в магазин убежала? В холодильнике пустые пакеты – надо же чем-то кормить своего суженого?

Ждал до позднего вечера. Униженным призраком слонялся по квартире, лежал на кровати. Уснул, кусая подушку.

Следующим утром без охоты привел себя в порядок, сунул ключ в карман, хлопнул дверью, отправился по соседям. Контингент, конечно, аховый. Лучше бы не ходил. В квартире напротив – бесноватая тетка с бородавкой и усами. Приняла его за квартирного взломщика, не вникая в обстоятельства, ринулась в бой. По другую сторону лестничной площадки вообще притон: алкашка в потной тельняшке и почему-то в бигуди, сожитель в туалете, еле ворочающий языком. Та приняла его как родного, предложила ввиду кошмарного «вчерашнего» проспонсировать актуальное «сегодняшнее»: выцыганила у Кравцова пятьдесят рублей. Информации, правда, толком не дала. С величайшим трудом удалось добиться, что в квартире номер тринадцать никто не живет. Обитала там по древности особа бальзаковского возраста – этакая тихоня (паршивая тетка – в долг никогда не давала), но тихо сгинула пару месяцев назад. То ли померла барышня, то ли переехала, бес ее знает. А сейчас вроде никого – хотя и слышатся иногда шаги на той стороне, и дверь тихонько поскрипывает, да вот же напасть, сил нет подняться, выйти на площадку, посмотреть, кого там носит...

Словом, пустота глухая. Но зато запомнил номер квартиры – огромное достижение. Выйдя из подъезда, отыскал на углу столетнюю табличку с номером дома. Третий переулок Трикотажников, 26/3 – отпечталось в памяти. Побрел на

выход из убогого района и, что характерно, запомнил дорогу. До улицы Вертковской – десять минут по буеракам. Заказал такси, проехал по гололеду на правый берег...

Пристыженный, раздавленный, вернулся Кравцов к жене. Альбина встретила сдержанно, с тихой грустью в глазах. Сказала лишь, что никому не говорила о его глобальных планах переустроить жизнь. Посторонилась и пропустила в спальню, а сама ушла в другую, где и обретается по сегодняшний день, практически не общаясь с мужем.

А незнакомка как сквозь землю провалилась. Состояние мерзкое. Каждый день он бьется над вопросом: как может простая женщина так качественно надломить человеку жизнь? Что такое любовь? Почему мы спокойно проходим мимо одной женщины и бежим, высунув язык, за другой, хотя поставь их рядом – и никакой разницы?

– Я не мнительный, не псих – нормальный человек, поверьте, – срывающимся голосом уверял Кравцов. – Но что-то происходит, не могу понять что... Я безумно влюблен в Наташу. Вы можете назвать это чувство одержимостью, блажью, наркотической зависимостью, чем угодно, хотя и понимаю – что-то с ней нечисто. Но не могу избавиться от образа. Стоит перед глазами, хоть ты тресни. Такая вот «Ирония судьбы» наоборот. Ничего новогоднего, правда? Быть может, этот образ и подталкивает меня к мысли о скором конце? Возможно ли такое, Константин Андреевич?

– Выпить хотите? – хмуро спросил Максимов, выдвигая

из стола бутылку. Звякнули стаканы. Самое время ввиду отчаянно прогрессирующей головной боли.

– Хочу, – испугался Кравцов. – Но не буду. Дотерплю уж как-нибудь до Нового года. А там...

– Вы сильный, волевой человек, – похвалил Максимов. – А я вот выпью, если не возражаете. Непростая ночька выдалась.

Он выпил и терпеливо подождал, пока усвоится. Задвинул выпивку обратно.

– Вам не кажется, что в шампанском что-то было?

– Кажется, – кивнул Кравцов.

– И какие выводы?

– Вы знаете, Константин Андреевич, если вы клоните к тому, что Наташа подослана ко мне Альбиной... В этом есть разумное зерно, но... но я не верю. Интуиция, знаете ли.

– Бытует мнение, что у мужчин не бывает интуиции, – улыбнулся Максимов. – Только у женщин. А у мужчин – уверенность, основанная на трезвом расчете. Но это мнение спорное, я сам в него не верю. Скажите, вы очень состоятельный человек?

– Так-сяк, – изобразил руками что-то вихристое Кравцов. – Не скажу, что я скупаю особняки за миллионы долларов, но лет на десять безбедной жизни хватит. Если продать, разумеется, обе машины, дом, квартиру, кое-какие акции.

– Вы составляли перед свадьбой брачный контракт?

Кравцов вздрогнул. А он неглупый человек, отметил про

себя Максимов.

– Составляли...

– Имеется в нем пункт «Расторжение брака по инициативе мужа»?

– Имеется такой пункт, – вздохнул Кравцов. – Не хочу забивать вам голову процентами, но львиная доля совместно нажитого имущества в данном случае отходит жене. Предвосхищаю ваш вопрос: при «расторжении брака по инициативе жены», в данном случае Альбины, ей достается жалкий минимум. В случае смерти мужа – три доли. Жена, мать и брат.

– Чьи мать и брат? – уточнил Максимов.

– Как «чьи»? – изумился Кравцов. – Мои.

– Но близких родственников у вас же нет...

– Конечно, нет, – пожал плечами Кравцов и, опережая рвущееся из сыщика раздражение, пояснил: – В этом городе – нет. Мама с братом проживают в Тамбове. Почему вы морщитесь, Константин Андреевич? Обыкновение у них такое – проживать в Тамбове. Всю жизнь этим занимаются. Потомственных сибиряков в нашем роду как-то не было. Мама – Кравцова Лидия Васильевна, брат – Кравцов Алексей Витальевич. Первая – пенсионерка по возрасту, второй – до недавнего времени работал охранником в частной фирме, а до этого – ремонтником на автобазе.

– Хорошо, об этом после, – перебил Максимов. – Полагаю, вы и сами сделали правильный вывод? Вашей жене выгоден

развод по вашей инициативе. Ваша смерть ей выгодна в три раза меньше. Почему бы не расслабиться?

Кравцов внезапно покраснел.

– Но это бред, Константин Андреевич! Мы встретились с Наташей абсолютно случайно. Она уже стояла у проезжей части и ловила такси, когда я вышел из ресторана!

Сыщик дипломатично утаил улыбку. Подстроить нужную встречу – это так элементарно.

– И вторая причина, – не сдавался Кравцов. – Почему Наташа исчезла утром? Я ведь даже на развод не успел подать! Какой смысл в этом исчезновении? Логичнее было бы подождать, околдовать меня до полной потери пульса, наобещать, что мы пойдем по жизни вместе, а добившись заветного штампа о разводе, спокойно исчезать! Я бы мог ускорить процесс – до пары дней, и не нужно терпеть долгих три месяца, пока проставят штамп.

– Вам не откажешь в здравом смысле, – согласился Максимов. – Неплохо подмечено. Здесь есть над чем подумать.

– Вот только времени для раздумий нет, – проворчал Кравцов.

– Хорошо, – не стал тянуть резину сыщик. – Что вы хотите от агентства «Профиль»?

Кравцов смущенно заерзал на стуле. Для того чтобы решиться и внятно изложить свои пожелания, требовалось немало мужества. Неловкую паузу надо было чем-то заполнять. Максимов покопался в пиджаке, достал телефон и по-

звонил Лохматову.

– Слушаю, Константин Андреевич, – прилежно отозвался Олежка.

– Полагаю, вы не убежали на радостях в другой район? – Максимов покосился на решающего нелегкую задачу посетителя и отвернулся вместе с креслом.

– Мы в кафе напротив агентства, Константин Андреевич, – голосок Лохматова потускнел. – Грызём куриные попки и пишем ноту протеста турецкому султану. Ну, нельзя же, в самом деле, так жестоко.

– После поговорим, – отрубил Максимов и понизил голос: – Живо бросай, к черту, этих протестантов и пульей на объект «А». Потом доложишь.

Некоторые условные фразы, которые уже отложены в головах подчиненных, не требовали пояснений. Пробормотав что-то вяло-недовольное, сотрудник отключился. Максимов повернулся к посетителю. Тот как раз созревал.

– Дело в том, Константин Андреевич... – забормотал Кравцов. – Завтра у меня на квартире состоится званая новогодняя вечеринка. Вариантов нет, кроме родственников жены, будут важные персоны – коллеги и зарубежный деловой партнер: он давно собирался встретить настоящий русский Новый год, пропади он пропадом. Поэтому наш фактический разрыв с Альбиной мы никому не афишировали, вы понимаете? Отменить этот гадючник невозможно. Охрана есть, но она... как бы это выразиться, – посетитель нерв-

но усмехнулся, – от внешних, скажем так, врагов. Дуболомы Урфина Джюса, если понимаете, о чем я... Охранное агентство «Колонтарь», имеющее с нашей фирмой устойчивые связи. Не буду же я им объяснять, что меня терзают недобрые предчувствия и я боюсь не пережить новогоднюю ночь? – В который раз Кравцов сделал попытку доказать, что он относится к себе с иронией. – Прошу вас, Константин Андреевич, и ваших сотрудников присутствовать в моем доме. До утра.

– В качестве Дедов Морозов и Снегурочки? – сорвалось с языка.

Кравцов поежился.

– Впрочем, нет, – передумал Максимов. – Заниматься возлияниями нам, подозреваю, будет запрещено. А трезвый Дед Мороз – это Санта-Клаус.

– Называйте как хотите, – посетитель предпочел не реагировать на шутку. – Я рассчитываю на вас, Константин Андреевич. Поймите, это очень важно.

– Конечно, – покладисто согласился Максимов, – недобрые предчувствия – это очень важно. Именно то, на что мы опираемся в работе. Особенно под Новый год.

– Вы смеетесь, – скорбно заключил Кравцов (и в чем-то, безусловно, был прав). – Хорошо, давайте зайдем с более понятной вам стороны. Сколько вы взяли бы с меня за подобную работу в обычный день?

– Ну... – зашевелил губами Максимов. – Если только до

утра, дабы проконтролировать, чтобы вы остались живы... Давайте калькулировать, Николай Витальевич. Твердая ставка: умножаем на количество сотрудников, занятых в операции, расписываем по часам, учитываем подготовительный этап работы, отнимаем непыльные условия, отнимаем скидку за то, что вы последний клиент в високосном году, отнимаем нашу личную к вам симпатию и желание видеть вас и в дальнейшем в почетных рядах наших клиентов. Я думаю, в тысячу долларов вам бы это удовольствие обошлось.

– Я готов заплатить по десятикратному тарифу, – неожиданно сказал посетитель. И замер, впечатленный собственной щедростью.

Дрогнул карандаш в руке. Максимов облизнул как-то разом пересохшие губы.

– Вы понимаете, что вы говорите, Николай Витальевич?

– С трудом, – честно признался Кравцов, – но за свои слова и поступки готов нести ответственность. Деньги можете получить в любое удобное для вас время. ДО того, разумеется, как пробьют куранты и Максим Галкин поздравит россиян с Новым годом.

– А потом его новогоднее обращение к нации прервет появление какого-то мужчины... – рассеянно пробормотал Максимов. – Забавный вы человек, Николай Витальевич. Выложить десять тысяч долларов в силу каких-то пугающих предчувствий.

– Вижу по глазам, что вы беретесь за это дело, – обрадо-

вался Кравцов. – Тогда запишите мой телефон, а заодно адрес. Если не возражаете, я сбегаю на работу и в принципе в любое время к вашим услугам.

Подперев кулаком наливающийся тяжестью подбородок, Максимов наблюдал, как посетитель, неприятным образом обернувшийся в клиента, удаляется из офиса. Мелькнула физиономия Любочки, имеющей свойство подслушивать, а потому предельно озадаченной. Рука машинально потянулась к бутылке. Брякнул телефон.

– Не тянись к бутылке, Максимов, – каменным голосом сказала Екатерина, – мы тебя насквозь видим.

– Это мое задание, Екатерина Сергеевна! – вякнул Лохматов, отобрал у нее трубку и тоже заговорил каменным голосом: – Не даете застояться адреналину в крови, Константин Андреевич. Разрешите доложить о проделанной работе? Спасибо. Судя по всему, очаг напряженности сместился, вы заметили? Посетитель нашего развлекательного заведения, только ради бога не называйте его клиентом, вышел на улицу и сел в произведение внедорожного искусства – «Лексус LX-470». Цвет – осеннее небо.

– Сам за руль сел?

– Сам, Константин Андреевич. Няnek нет. Он вообще один там был – в машине. Мрачный он какой-то. Вырулил на улицу, где и был подхвачен белой «Ладой», за рулем которой сидела дама в мутоновой шубке...

– Лицо заметили? – встрепенулся Максимов. – Номер за-

писали?

– Нет, – с отчетливым оттенком злорадства сказал Олежка. – На голове дамы заметили копну красивых золотистых волос. Шикарный парик. Засмотрелись и упустили номер. Бывает. Да и далеко, Константин Андреевич, они на улицу Ермака повернули, не бежать же за ними.

– Хорошо, – поморщился Максимов. – Все на базу. Дописали там свою ноту султану?

– Сейчас узнаешь, – прошипела Екатерина.

Максимов отключился, побарабанил в задумчивости пальцами по столу, затем подтащил к себе листочек, оставленный Кравцовым, и набрал указанный на нем номер.

– Николай Витальевич? Это Максимов. Не подумайте, что я уже соскучился, полагаю, вы сейчас в пути? Прекрасно. За вашей машиной следует белая «Лада» – за рулем рыжеволосая дама в мутоновой шубке. Имеется мнение, что она за вами следит. Не могли бы вы запомнить номер машины?

Истерика в агентстве воцарилась такая, что впору всех увольнять. Ворвались, как тайфун. Вернер пылал справедливым негодованием, Олежка чертыхался и хватался за голову, а Екатерина вообще была в маске Карабаса-Барабаса (купленной в соседней лавке), которая делала ее облик решительно неповторимым. Любочка в испуге забралась с ногами на стул и прижала к груди свою вызывающую сумочку с кровавыми вишенками. Вернер громогласно разорвался, что

дальше так жить невозможно, время бросить партбилет на стол, уйти в монастырь и там написать книгу о подлинной сущности некоторых товарищей. Екатерина умоляла Максимова одуматься, стать на сутки человеком и влезть в шкуру замученных подчиненных. Олежка горько причитал, что у него невеста, которая сидит одна в пустой квартире в Ленинграде, а он здесь, в Сибири, в незнакомом доме. И вообще, ему нельзя работать ночью, он после двенадцати превращается в натуральную тыкву.

– Костик, ты совсем перегрелся от этой работы! – кричала маска Карабаса-Барабаса. – Ну, на кой хрен тебе это надо? Закипишь скоро! Ты думаешь, мы будем совершенно бесплатно приходить к тебе в больницу?

– Есть отличное слово в русском языке! – не отставал Вернер, – из трех букв! Означает оно «нет», но пишется и произносится совсем по-другому! Друзья, давайте крикнем его хором!

– Ваши инновации, Константин Андреевич, трудно переоценить, – элегантно чертыхался Олежка. – Неужели вы думаете, что сумеете заработать все шальные деньги в этом городе? А как же душа? А как же Новый год?

– А невеста в Ленинграде?! – гремел Вернер.

– Стоп! – грохнул кулаком по столу Максимов. Подождал, пока все заткнутся, и процедил сквозь зубы: – Знаете, друзья мои, пока вы еще находитесь у меня в подчинении. Вот уволитесь – тогда другое дело. Верещите сколько влезет. Итак,

зачитываю производственное задание. В новогоднюю ночь идут работать Вернер и Лохматов. Екатерина не идет – пусть катится к своей невесте в Ленинграде. Вернер и Лохматов за дежурство во внеурочное время получают каждый по две тысячи долларов – без налогов, НДС, отчислений в «стабилизационный фонд» и прочих поборов. Расчет – сразу после праздников.

– Япона-мама... – сделал круглые глаза Олежка.

– А что? – рассудительно заявил Вернер, – Новый год в итоге непременно кончается, остаются похмелье и разочарование, а денег от этого тупого праздника, давно подмечено, больше не становится. Какой же смысл заставлять себя мучительно отдыхать, если душа зовет трудиться?

– Уговорили, Константин Андреевич, пойдем трудиться. И рыбку съедим, и удовольствие получим, – подхватил Олежка. – А Екатерина Сергеевна выпьет за нас в полночь.

– Почему это я должна отдыхать? – возмутилась Екатерина, стаскивая маску. – Я тоже хочу трудиться. Всю жизнь мечтала поработать в новогоднюю ночь. Да и Костика нельзя оставлять – кто же будет ему напоминать, кто он есть на самом деле?

– Ты не понимаешь, Катюша, – запротестовал Вернер. – В том случае, если ты пойдешь трудиться вместе с нами, Константин Андреевич не заплатит тебе две тысячи долларов. Ему придется отстегивать из своих, а это противоречит принципам его жадности. Мы получим, как показывает

нехитрый математический расчет, по одной тысяче триста тридцать три доллара и тридцать три цента, а это никак не напоминает, согласишься, объявленные две тысячи. Так что, извини, Екатерина, ты сегодня пролетаешь. Подвинься. С Новым, как говорится, счастьем.

– Понятненько... – зловеще процедила Екатерина, упирая кулаки в бока, – снова прокатили...

– А делать-то чего, Константин Андреевич? – вытянулся в струну Олежка.

– А ничего, – улыбнулся Максимов. – Слоняться по двухъярусной квартире, наслаждаясь дизайном, и ждать, пока Кравцов загнетса от собственных страхов.

Екатерина завывала. Все с интересом на нее уставились. Но она быстро взяла себя в руки и смастерила неубедительную надменную улыбку.

– Я могу быть свободна, Константин Андреевич?

– Нет, не можешь, – покачал головой Максимов. – Рабочий день заканчивается в шесть часов. А сейчас у нас двенадцать двадцать. Начинаем трудиться, коллеги. Лохматов должен выйти на улицу, вспомнить место, где парковалась белая «Лада», и опросить всех людей, кто мог ее видеть. Если ты не понимаешь, кого я имею в виду, поясняю: продавщица киоска «Роспечати», бык в вестибюле ресторана «Голодный волк», аналогичный бык в магазине автозапчастей, продавщица забегаловки, чье окошко выходит на улицу, – и им подобные лица. А вовсе не те граждане, что стоят на оста-

новке. Вернеру – собрать доходчивую информацию по юридическому агентству «Гудвин», а также по господину Кравцову. Разрешаю охмурить одну из тамошних красоток. Но только постарайся избежать добычи информации по Кравцову от самого Кравцова. И резину не тяни – во многих фирмах завтра выходной, а сегодня укороченный день. Екатерина сидит на связи. А я сгоняю с Кравцовым в его таинственный переулок, а потом постараюсь навестить супругу и ее сестру. Все.

– Эх, жисть поломатая, – стукнул кулаком по колену Вернер. – А знаешь, командир, я бы тоже мог посетить Альбину. Если тебя интересуют ее технические характеристики, скажем, вес, скорость, потребление топлива...

– Я сказал – все, – отрубил Максимов.

В 13:00 «Лексус LX-470» цвета осеннего неба подобрал его у Первомайского сквера, где, помимо снежного городка, выросла целая экспозиция произведений ледовых дел мастеров, съехавшихся со всей страны. Наибольшее впечатление производил олень, выполненный в традициях жуткого реализма и подозрительно напоминающий настоящего. Целая толпа стояла и гадала, применялся ли проволочный каркас при ваянии рогов.

– Садитесь, Константин Андреевич, – распахнул Кравцов дверцу. – А вы точно уверены, что хотите посмотреть это место?

– А вы точно уверены, что взяли ключи?

– А я их и не вынимал, – вздохнул Кравцов.

Неизвестно, каким он был юристом, но водителем – средним. Там, где можно ехать без помех, тащился как связанный, на опасных участках вертел баранкой, сея панику у водителей соседних машин. Навернуться с моста через Обь было бы не самым удачным завершением года. Пришлось немножко напрячься. К тому же он отвратительно знал родной мегаполис – тащился самой дальней дорогой, предельно насыщенной светофорами и грузовыми автомобилями.

– Как насчет светлой «Лады»? – осведомился Максимов.

– Была такая, – кивнул, кусая губы, Кравцов. – И у женщины за рулем, вы совершенно правы, были пышные рыжие волосы. Она исчезла, представляете? – Кравцов развел руками, и машину подбросило. – Я стоял у светофора на Ядринцевской, повернул на зеленый, а она... пропала. Дальше поехала.

– Номер, разумеется, не запомнили?

– Да что вы, какой там номер. Я лица-то не заметил. Зрение уже не то, увы.

– Только руками не разводите.

– Извините. А кто это может быть, как вы думаете? – покосился на него Кравцов. – Вы считаете, что это... Наташа?

– Сами считайте, Николай Витальевич. Ох уж эта ваша «женщина в белом». Может, Наташа. А может, жена. Или ее сестрица, например, чем не вариант? Подговорила Альбина Викторю, а у той времени свободного – вагон. Вы изменник

или кто?

Кравцов поежился, как будто замерзал в заледенелой теплушке. Машинально покосился в зеркало заднего вида. Максимов сделал то же самое, ощущая, к огромному неудовольствию, как беспокойство клиента начинает овладевать им самим. «Хвоста» на первый взгляд не было.

Убогий городской район – один из тех, которые никогда не покажут высоким гостям города, – начался со скопления облупленных гаражей и заколоченного клуба «Радуга». Трамвайный путь ушел вправо, Кравцов въехал в узкий переулок и остановил машину у приземистого, похожего на бойлерную, строения с нетвердо прибитой красной вывеской: «ЖЭУ-29».

– Дальше не поеду, – уведомил клиент. – Пешком пойдем. Во-первых, не смогу ориентироваться на колесах, а во-вторых...

Он не стал договаривать, а Максимов не настаивал. Духов клиент боится. Или стесняется подъезжать на приличной машине к неприличному дому.

В этом районе все дома были неприличные. Прямо даже непристойные. Участок плотной барачной застройки – торжество социалистического зодчества. Бараки наставлены как попало, хаотично – в два, в три этажа, балконов нет, подъезды на уровне полуподвалов, окна старые, крыши продавленные. Древние тополя, разбросанные между бараками, какие-то дощатые сараи, переполненные мусорки. Провисшие

электрические провода, заметенные столики для игры в домино и дружеских вечерних посиделок. Снег почти не убирается (вот весной-то будет веселье) – все пространство между домами рассечено протоптанными аборигенами тропками. В одном из барачков полностью выгорел подъезд. В соседнем подъезде, невзирая ни на что, теплится жизнь – за окнами висят занавески, на стене снаружи – веревочные сетки с новогодними продуктами.

Даже в светлое время суток искомый барачок выделялся только табличкой с номером (удивительно, что она есть). Можно представить, насколько он не выделяется ночью. Фундамент просел в землю. На крыльце навес на тонконогих опорах, того и гляди надломится под тяжестью снежной шапки. Тамбур за фанерной дверью, проем, похожий на две виселицы, вереница почтовых ящиков, все сломаны. Признаки жизни, слава богу, имелись – в одной из квартир первого этажа уже праздновали. Узкая лестница, ходьба по которой пугающе напоминала игру в русскую рулетку. Двойной поворот, протяженная площадка, на которой четыре квартиры – с тринадцатой по шестнадцатую. Пятнадцатая наискось забита досками, и только Господу известно, что бы это значило.

– Приятная обстановочка... – пробормотал Максимов, невольно потягивая носом. Пахло чем-то подпорченным. Весьма любопытно было наблюдать за Кравцовым. Его трясло и бросало в жар. Никакие попытки совладать с волнением не приносили пользы. Незадачливый любовник не мог даже

связно выражать мысли – силился как-то прокомментировать, терял слова.

– Открывайте, Николай Витальевич, – поморщился Максимов. – Не век же нам тут быльем порастать.

Пришлось отобрать у Кравцова ключ и самому справиться с неприятной обязанностью. Сомнительно, чтобы Уголовный кодекс одобрял подобные деяния. Но закон далеко, а интерес близко.

В квартире царили запустение и затхлость. Предстала открытая антресоль, заваленная палками с гвоздями. Узкий, но с высоким потолком коридор, на удивление целый плафон и кубик выключателя на стене, к которому тянулась открытая проводка. Максимов нажал двумя пальцами на выключатель. Загорелся свет.

Выждав несколько секунд, он повернулся к Кравцову, который самым натуральным образом превращался в столб.

– Отомрите, Николай Витальевич, где тут ваши призраки?

Неясность и беспокойство росли. Максимов стоял, наострив уши, посреди несуразной квартиры и всеми чувствительными местами понимал, что дело нечисто. Трудно объяснить, откуда берется тревога. Подсознание предлагает подсказку? Квартира явно необитаема, почему Кравцов не обнаружил эту элементарную вещь? Совсем свихнулся? Да, приходят сюда люди, кто-то ночует, остались ненужные вещи прежних хозяев, но все это никак не согласуется с посто-

янным пребыванием человека. Под шкафами и в углах такой слой пыли, что можно на лыжи вставать. Лампочки имеются только в коридоре и в большой комнате, в остальных местах висят старые патроны, куда давно ничего не вворачивали. Чтобы воспользоваться кухней или туалетом, нужно открыть дверь и зажечь свет в коридоре. Холодильник только зимний – под окном на кухне, задвижка вынута, и все пространство узкой камеры заросло инеем. Из продуктов – три пустые банки, мешок с плесневелой гречкой и батон хлеба, вполне пригодный для укладки в кирпичную стену. Посуда исключительно из алюминия, и толку от нее? Вода в кране, зубная щетка в желтоватом граненом стакане.

– Куда вы дели бутылку из-под шампанского?

– В туалете, – пробормотал Кравцов, обретая дар речи. – Там пустое помойное ведро – в него и сунул.

Информация подтвердилась. В туалете располагался единственный целый предмет – помойное ведро. Все прочее ремонту не подлежало: унитаза, сливной бачок, вздернутый выше головы, стена с зияющей дырой. Такое ощущение, будто в сортир подбросили небольшую пехотную гранату. А затем поставили ведро. Максимов осторожно потянул за цепочку. В живописной трубе, обросшей жирным налетом, слышалось клокотание. Неужели работает?

Хорошо бы исследовать эту бутылочку и зубную щетку на предмет пальчиков. Хотя сомнительно, что в милиции за это возьмутся. Никакого преступления, собственно, не было. И

повальное дактилоскопирование в стране не проводилось.

В квартире две продолговатые комнаты. В одной, помимо бельевого шкафа, полное запустение. В шкафу ненужное тряпье, рыться в котором – сплошное удовольствие. Застиранные полотенца, пожелтевшее белье. Тараканищи из щелей шевелят усами. Во второй – так называемая спальня. Разобранный диван, не способный собраться, постельное белье аккуратно сложено, задвинуто в угол. Не самое подходящее место для воплощения сексуальных фантазий. «Викторианский» буфет обтекаемой формы – внизу ящики, верхняя половина застеклена, за стеклом – дешевый сервиз покойной прабабушки, обитательницы квартиры. Трюмо без изысков, стул, стол, репродукция с картины «Чаепитие в Мытищах». Кто же автор? Пресловутое окно, за которым в глубине двора красуется криворукий (да и кривоногий) тополь. «Занавес» раздвинут, подоконник пуст, засохшие круги, свидетельствующие о том, что раньше здесь стояли растения в горшках...

К метаниям Кравцова он в принципе относился с юмором. И уходить не спешил. Бродил из комнаты в комнату, запоминая обстановку, внимая интуиции, которая что-то бормотала. У Кравцова первого не выдержали нервы.

– Достаточно, Константин Андреевич, пойдете отсюда.

Он потащил его за локоть, демонстрируя неслабую мускулатуру. Максимов не стал особенно упираться. Осмотр не закончен, но можно и вернуться. Остались в голове еще бе-

лые пятна...

Отлично понимая, что общение с соседями не доставит ему духовного наслаждения и вряд ли обогатит в информационном плане, он все же решил на беглую экскурсию. В квартире напротив, под номером четырнадцать, по уверению Кравцова, проживала усатая тетушка с совершенно зверским характером.

– Меня уже однажды посылали, – пробормотал Кравцов, отодвигаясь за угол. – Ваша очередь, Константин Андреевич.

От явившейся взору «гренадерши» действительно стоило ожидать любой пакости. Известная тактика – не хочешь оставаться в дураках, оставляй прочих. По счастью, у Максимова в руках имелась коленкоровая папочка, которая оперативно пошла в дело. Рывкнув, что нечего тут шляться, старушка вознамерилась хлопнуть дверью и вызвать милицию (почему открывала – непонятно), но Максимов сделал такую суровую мину, что старушка решила подождать. Расщеперила усы и уставилась с ненавистью.

– В соседней квартире произошло преступление, уважаемая, – рывкнул Максимов. – Там ограбили человека! («Украли веру в человеческую порядочность», – добавил про себя). И сейчас вы все без утайки расскажете, что вам известно по данному поводу, и подпишете протокол! В противном случае проедете с нами! Принесите, пожалуйста, табуретку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.